

ГЕТА М.Р.,
Доцент кафедры уголовного права и процесса
Новокузнецкого филиала-института КемГУ, доцент ВАК, к.ю.н.

Альтернативы лишению свободы в Республике Казахстан: современное состояние и перспективы¹

Гуманизация и реформаторские тенденции в развитии уголовной политики современного Казахстана находятся в «генетической» связи с состоянием альтернативных мер уголовно-правового воздействия и предупреждения преступности. В литературе справедливо отмечается то обстоятельство, что, если будет достигнута цель водворения в пенитенциарные учреждения всех лиц, совершивших преступление, «...общество будет разрушено. Мы никогда не сможем найти средства и людские ресурсы, которые потребуются для достижения этой цели»². Альтернативы могут рассчитывать на поддержку общества и государства не только вследствие необходимости гуманного обращения с правонарушителями, но и в целях защиты общества от криминализации, неизбежной в условиях массовой практики наказания в виде лишения свободы, обеспечения его безопасности и социального благополучия.

Наметившаяся в Казахстане трансформация уголовно-исполнительных инспекций в службы пробации и перспективы формирования национальной модели пробации неотделимы от правового, методологического и практического обеспечения развития и применения альтернатив наказанию в виде лишения свободы.

В концептуальном аспекте альтернативные меры следует рассматривать как наказания, не связанные с лишением свободы («узкое» понимание данных мер в качестве непенитенциарных санкций). В «широком» — альтернативы представляют собой уголовно-правовые средства некарательного содержания, отличающиеся от классического института наказания. В связи с этим отдельными авторами отмечается, что альтернативы — не просто самостоятельный институт, но целый метод уголовно-правового регулирования и преодоления криминальных конфликтов³.

Обращение к положениям действующего уголовного законодательства Республики Казахстан позволяет отметить, что существует система институциональных альтернативных мер уголовно-правового воздействия, среди которых представлены: 1) наказания, не связанные с лишением свободы; 2) иные уголовно-правовые меры, содержание которых на законодательном уровне не раскрыто. Они включают в себя все виды освобождения от уголовной ответственности и наказания; 3) особую «непоименованную» группу мер воздействия образуют меры безопасности (например, судимость, принудительные меры медицинского характера). Однако дефиниция «меры безопасности», давно известная

¹ Экспертное заключение подготовлено Центром исследования правовой политики при поддержке Института Открытого Общества (Open Society Institute). Мнения и взгляды, содержащиеся в публикации, могут не совпадать с официальной позицией Института Открытого Общества.

² Бишоп Н. Европейские правила по применению общественных санкций и мер общественного воздействия. // Материалы Междунар. науч.-практ. конференции. — Алматы, 2004. — С.30.

³ Гета М.Р. Альтернативы наказанию. — Усть-Каменогорск, 2004. — С.22-27.

европейскому уголовному праву, ни в Казахстане, ни в других государствах СНГ легитимации на законодательном уровне не получила.

Следует отметить, что дальнейшее расширение сферы применения альтернативных мер воздействия необходимо рассматривать в следующем контексте: 1) гуманность мер воздействия, их «совместимость» с защищенностью прав человека; 2) социально-криминологическая обусловленность, т.е. наличие социально-криминологических оснований применения; 3) эффективность мер, проявляющаяся, в частности, в низком уровне непенитенциарного рецидива; 4) обеспечение безопасности общества, поскольку для многих граждан позитивное отношение к наказанию в виде лишения свободы обуславливается представлениями о том, что контроль в условиях изоляции преступника от общества позволяет устранить его криминальную опасность. Данные представления, какими бы иллюзорными в ряде случаев они не были (изоляция виновного в кражах и его «знакомство» со спецификой пенитенциарных учреждений способна вернуть обществу гораздо более опасного правонарушителя, готового совершать разбои и грабежи), их нельзя игнорировать. Чтобы население поддерживало практику альтернативных мер, оно должно быть уверено, что правонарушители, оставленные на свободе, находятся под контролем государства и риск совершения новых преступлений с их стороны минимален.

Иными словами, все виды альтернативных уголовно-правовых средств, имеющих в законодательстве Республики Казахстан, целесообразно оценивать в аспекте эффективности посткриминального контроля и создания реальных возможностей ресоциализации осужденных. Исходя из этого, представляется оправданным обратиться к действующим непенитенциарным санкциям, предусмотренным уголовным законодательством Республики Казахстан. Необходимо учитывать, что к характеристике данных санкций непосредственное отношение имеет содержание наказания, которое, согласно ч.1 ст.38 УК РК, «... заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишениях или ограничениях прав и свобод». Подобное ограничение адресуется лицу, совершившему преступление. В соответствии с ч.2 ст.38 УК РК, «...наказание не имеет своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства». Следовательно, альтернативные наказания, будучи системой правоограничений, не должны быть направлены на причинение страданий осужденному, хотя несомненно, что «наказательные» ограничения прав и свобод не могут не вызывать в личности осужденного психологического дискомфорта.

Как представляется, одним из перспективных альтернативных наказаний является привлечение к общественным работам (ст.42 УК РК). Это наказание весьма широко распространено в мировой практике, получило поддержку на уровне международных и европейских стандартов в сфере уголовной юстиции. Содержание этого наказания заключается в бесплатности труда осужденного. Именно эта «бесплатность» и составляет основной «наказательный» элемент привлечения к общественным работам. Следует отметить, что в уголовном законодательстве Казахстана (также как и России, где данная уголовно-правовая мера названа обязательными работами) не вполне точно определено рассматриваемое наказание.

Исходя из логического толкования закона, оно состоит «...в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учёбы время бесплатных общественно-полезных работ». Представляется, что наказание не может состоять в общественно-полезных работах, иначе придётся признать труд элементом наказания, кары за совершённое преступление. Однако по смыслу международных непенитенциарных стандартов и национального законодательства Казахстана, труд осужденного к наказанию в виде привлечения к общественным работам рассматривается как средство ресоциализации правонарушителя. **Нельзя наказывать трудом**, но им можно побудить личность изменить свои взгляды на окружающее, на собственное поведение, привить уважение к обществу. Поэтому собственно «наказание», как отмечалось выше, кроется в фактическом лишении осужденного заработной платы (а точнее, в её непредоставлении), а также в ограничении

конституционного права на отдых (трудиться осужденному приходится в свободное от основной работы или учебы время, которым он мог бы распорядиться по своему усмотрению). Таким образом, «наказательные» правоограничения плюс посткриминальный контроль уголовно-исполнительной инспекции (службы пробации) призваны создать условия для реализации ресоциализирующей функции общественно-полезного труда.

Другой аспект привлечения к общественным работам связан с возможностью совершенствования нормативной модели данного вида наказания. Прежде всего, оправданно ли сводить его только к общественно-полезным работам? Помимо работ как социально-полезной деятельности, существуют услуги (медицинские, образовательные, консультационные, оформительские, услуги по перевозке пассажиров, по оказанию социальной помощи и т.п.). Так, в частности, индивидуальные предприниматели, могущие стать адресатами данного вида наказания, занимаются предоставлением различных услуг населению. Полагаем, что более эффективным и оправданным явилось бы возложение на них (в случае совершения преступления) обязанности оказывать услуги без оплаты в течение определённого времени, чем привлечение к неквалифицированному физическому труду. Это позволило бы расширить спектр видов деятельности при общественно-полезных работах, **благодаря сочетанию различных видов труда осужденных.**

Кроме того, целесообразно, на наш взгляд, учесть в процессе выбора конкретных работ индивидуально-психологические особенности осужденного, его интересы и способности, поскольку вполне очевидно, что социальная ценность данной альтернативы лишению свободы заключается не в понуждении к малоквалифицированному труду по уборке улиц (хотя и он должен применяться), а в **деятельности, полезной для общества, которое позитивно оценивает её результаты**, станет заинтересовано в «сохранении» осужденного в своей структуре, а не в его «ниспровержении» в пенитенциарные учреждения. Не менее важно и то, что осужденный, понимая социальную значимость своего труда, будет более восприимчив к исправительному воздействию службы пробации.

Другой аспект проблемы совершенствования наказания в виде привлечения к общественным работам касается их сравнительно невысокой продолжительности (не свыше 240 часов). Представляется, что слишком непродолжительный период, значительно уступающий сроку исправительных работ да и существующим в мировой практике срокам применения аналогичных непенитенциарных санкций, по-видимому, было бы оправданно увеличить хотя бы в два раза для совершеннолетних правонарушителей — до 480 часов, что сделает отбывание привлечения к общественным работам более чувствительным для осужденного и для общества. За время, ограниченное 240 часами, едва ли возможно оказать какое-либо исправительное воздействие на осужденного и обеспечить эффективность посткриминального контроля.

И наконец, нельзя не отметить, что, согласно ч.2 ст.42 УК РК, «...общественные работы... отбываются не свыше четырёх часов в день, если осужденный не имеет постоянного места работы или не занят на учёбе — до восьми часов в день». Подобная дифференциация вызывает некоторое смущение. Оправданно ли вообще применять это наказание к безработным, которым надо решать основную проблему трудоустройства на оплачиваемую работу? Но если всё-таки применять, то есть ли смысл во всех случаях устанавливать продолжительность бесплатных работ до восьми часов в день? По-видимому, в этой ситуации наиболее целесообразно предоставить суду право дифференцировать продолжительность «дневного» отбывания наказания для лиц, не имеющих постоянного места работы.

Кроме того, разница во времени такого ежедневного отбывания общественных работ для занятых граждан и безработных выглядит чуть ли не как дискриминация последних, ибо они должны выполнять больший объём бесплатного труда. Нельзя не принять во внимание и то обстоятельство, что осужденные, не имеющие места работы, безвозмездной трудовой

деятельностью могут фактически «стимулироваться» к совершению нового преступления в целях получения средств существования.

Исходя из изложенного, позволим себе ч.1 ст.42 УК РК предложить в следующем примерном варианте: «Наказание в виде привлечения к общественным работам состоит в непредоставлении осужденному оплаты за выполнение в свободное от основной работы или учёбы время общественно-полезных работ, а равно оказания услуг, связанных с его профессиональной деятельностью Лицам, не имеющим основного места работы, наказание в виде привлечения к общественным работам назначается с учётом их жизненной ситуации, от которой ставится в зависимость продолжительность наказания. При выборе вида общественных работ или социально-полезных услуг по возможности учитываются интересы, уровень образования и профессиональной подготовки осужденного».

Необходимо отметить, что в Казахстане (как и в России) существует проблема расширения практики назначения и исполнения наказания в виде общественных работ, связанная, в основном, с трудоустройством осужденных, особенно актуальная в условиях существования безработицы среди законопослушного населения. Государственных предприятий, которые могут нанять данных осужденных, не так уж много, а собственника частных производств, исходя из конституционно закреплённой свободы труда, нельзя обязать трудоустраивать осужденных. В литературе высказывались предложения по стимулированию работодателей к приёму названных лиц путём предоставления налоговых льгот и оставления 50% от фактически начисленных денежных средств в организации⁴.

Несомненно, что поиск мер, стимулирующих работодателя, является важным, и целесообразно использовать различные стимулы (и не только экономические), например, популяризацию опыта индивидуального предпринимателя или руководителя организации, трудоустроившего осужденных, в СМИ; награждение ценным подарком и иное поощрение на уровне местных исполнительных органов или органов местного самоуправления, установление льгот на предоставление бюджетных заданий на выполнение работ (оказание услуг) и т.п.

Помимо этого, целесообразной представляется разработка **Типовых соглашений** между службой пробации, органами местного самоуправления и работодателями о сотрудничестве в трудоустройстве осужденных. По-видимому, подобное трудоустройство станет в ближайшее время одной из ведущих задач службы пробации.

Весьма схожую с привлечением к общественным работам юридическую природу имеет наказание в виде исправительных работ (ст.43 УК РК). Это наказание, соответствующее рекомендациям Стандартных минимальных правил ООН, относительно применения мер, не связанных с тюремным заключением, в настоящее время, помимо Казахстана, сохраняется в Российской Федерации, Беларуси, Армении, Азербайджане, Таджикистане. Позволим себе отметить, что казахстанский законодатель поступил более рационально, закрепив модель исправительных работ по месту выполнения трудовой функции осужденного. В России с 2003 г. исправительные работы адресованы только лицам, не имеющим места постоянной трудовой деятельности, что существенно осложнило практику применения данного вида наказания, ибо уголовно-исполнительные инспекции должны трудоустраивать осужденных не только к обязательным, но и исправительным работам.

Собственно, «наказательная» составляющая рассматриваемой альтернативы лишению свободы заключается в ограничении размера заработной платы, полагающейся осужденному. Согласно ч.2 ст.43 УК РК, «...из заработка осужденного к исправительным работам производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от пяти до двадцати процентов». Данное наказание,

⁴ Турецкий Н.Н. Проблемы исполнения уголовного наказания, связанные с привлечением к общественным работам. — Алматы, 2004. — С.82.

появившееся в Казахстане в советский период его истории, оказалось воспринятым современной непенитенциарной практикой и является значимой альтернативной мерой уголовно-правового воздействия.

Однако на наш взгляд, было бы желательно исключить из ч.2 ст.43 УК РК упоминание об удержании «в доход государства», поскольку оно может создавать впечатление об использовании государством наказания в виде исправительных работ в целях извлечения прибыли (дохода). Более корректной, на наш взгляд, была бы формулировка «в соответствующий государственный бюджет».

Исполнение наказания в виде исправительных работ возлагается на службу пробации, которая должна будет не только контролировать своевременность удержаний из заработка осужденных, но и проводить работу по их ресоциализации.

Одним из альтернативных наказаний является ограничение свободы (ст.45 УК РК), введённое ещё в 2002 году. В Российской Федерации его аналог с таким же наименованием появился лишь в декабре 2009 г. Законодатель определил, что ограничение свободы состоит в «...наложении на осужденного судом определённых обязанностей, ограничивающих его свободу, и отбывается по месту его жительства под надзором специализированного государственного органа без изоляции от общества» (ч.1 ст.45 УК РК). Строго говоря, ни в Казахстане, ни в России «наказательного» элемента в этой мере воздействия не имеется, поскольку обязанности на осужденного возлагаются не «за» совершенное преступление, а «в связи» с предупреждением новых уголовно-наказуемых деяний. Если использовать дефиниции уголовного законодательства западноевропейских государств, то ограничение свободы можно было бы обозначить как **меру безопасности**. В принципе, применима к нему и характеристика как особой, более строгой разновидности **условного осуждения**, сходство юридической природы с которым весьма существенно. Исполнение ограничения свободы планируется возложить на службу пробации.

Уголовным законом предусмотрен императивный порядок возложения на осужденного юридических обязанностей предупредительного характера: 1) не менять постоянного места жительства, работы и учёбы без уведомления специализированного государственного органа (службы пробации); 2) в свободное от учёбы и работы время не покидать место жительства, не выезжать в другие местности без разрешения службы пробации. Наряду с этим закрепляется диспозитивный подход, выражающийся в праве суда возложить иные обязанности, способствующие исправлению осуждённого: пройти курс лечения от алкоголизма; наркомании; токсикомании; заболеваний, передающихся половым путём; осуществлять материальную поддержку семьи.

Обращение к подобным обязанностям позволяет увидеть их сходство с режимом пробации, поскольку предусмотрены основные (императивно возлагаемые) и субсидиарные обязанности. На близость с условным осуждением указывает фактическая тождественность юридических обязанностей, и различия усматриваются только в том, что при условном осуждении данные обязанности возлагаются по усмотрению суда, а при ограничении свободы некоторые из них — в силу прямого указания закона. Российский вариант ограничения свободы (ст.59 УК РФ) выглядит жёстче, так как все правоограничения в отношении осужденного устанавливаются императивно, да и перечень их шире. Правда, отдельные ограничения в УК РФ представляются сомнительными с точки зрения их профилактического и содержательного контекста (например, обязанность не посещать массовые мероприятия), но в целом они создают предпосылки для более строгого надзора за осужденным.

Представляется, что в норме статьи 45 УК РК целесообразно было бы усилить пробационный эффект некоторых правонарушений. Так, в частности, можно установить, что на осужденного возлагается обязанность не менять постоянного места жительства, работы или учёбы **без разрешения** специализированного государственного органа (службы

пробации), тем более, что в отношении следующей обязанности — не выезжать в другие местности — действует (вполне логично) разрешительный, а не уведомительный подход к осужденному. Что касается иных правоограничений, то вполне понятно, что не имеет смысла возлагать при отсутствии оснований такую обязанность, как прохождение курса лечения от заболеваний, передающихся половым путём.

Вместе с тем, следует отметить, что иные, предупредительно-ресоциализирующие обязанности осужденных можно предусмотреть в специальном Законе о пробации, и это позволит обеспечить не только более эффективный надзор при данном виде уголовно-правового воздействия, но и условия для последующего исправления осужденного.

В соответствии с ч.3 ст.45 УК РК, наказание в виде ограничения свободы не применяется к лицам, «имеющим судимость за совершение тяжкого и особо тяжкого преступления; к военнослужащим, а также к лицам, не имеющим постоянного места жительства». Таким образом, нельзя применить данное наказание лишь при наличии не снятой и не погашенной судимости за тяжкие и особо тяжкие преступления. Это означает, что его совершение впервые, когда правоотношения судимости ещё не наступили, не является формальным препятствием для применения санкции в виде ограничения свободы. Представляется, что, прежде всего при выборе данной меры уголовно-правового воздействия, необходимо учитывать личность виновного, что наиболее достижимо при направлении лиц, в отношении которых суд полагает возможным ограничение свободы в условиях пробационного надзора, на социально-психологическое исследование в службу пробации. По его результатам, по-видимому, можно будет сделать вывод о допустимости ограничения свободы в отношении виновных в тяжком преступлении.

Что касается неприменения ограничения свободы к лицам, не имеющим постоянного места жительства, то такое решение законодателя выглядит не бесспорным. В настоящее время в Республике Казахстан институт «прописки», являвшийся изобретением советского прошлого, не существует. Действующие правила регистрации отнюдь не препятствуют гражданину проживать в ином месте, по фактическому адресу, который он мог бы представлять в службу пробации. Справедливо ли ставить такого осужденного, который приехал учиться или работать в другой город, проживает в квартире по найму, не выписался вовремя из прежнего жилого помещения, в худшее положение по сравнению с осужденным, проживающим по «юридическому адресу»? По-видимому, нет. Тем более, что, если подсудимым окажется гражданин, не имеющий постоянного места жительства, суд, не имея возможности применить к нему ограничение свободы, будет вынужден назначить более строгое наказание в виде изоляции от общества.

Одним из уголовных наказаний, по законодательству Республики Казахстан, является конфискация имущества (ст. 51 УК РК). Она представляет собой «...принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества являвшегося собственником осужденного». Заслуживает внимания то обстоятельство, что ещё в 2001 году А.И.Зубков предлагал трансформировать конфискацию имущества в основное наказание, которое рекомендовал широко применять за коррупционные, экономические преступления. Этого не произошло, а в декабре 2003 г. в Российской Федерации конфискация была исключена из системы наказаний, что вызвало резкую критику в юридической литературе. В 2006 г. конфискацию «вернули» в российский УК в качестве иной меры уголовно-правового характера (ст.104 УК РФ).

В Казахстане конфискация имущества сохранилась как вид наказания, однако в действующей редакции закона она сочетает в себе признаки наказания и меры безопасности. Об этом свидетельствует ч.1 ст.51 УК РК, согласно которой «...за совершение коррупционных преступлений конфискации, кроме собственности осужденного, в порядке, установленном законодательством, подлежит также имущество, добытое преступным путём, либо приобретённое на средства, добытые преступным путём, переданное осужденным в собственность другим лицам». Иными словами, как наказание конфискация имущества

поражает право собственности виновных, предусматривая изъятие у осужденного имущества, которое принадлежало ему на законных основаниях. А как **мера безопасности**, распространяется на имущество, полученное в результате совершения коррупционного преступления или приобретенное на доходы от преступной деятельности (т.е. фактически, в процессе легализации доходов криминального происхождения). Представляется, что наказательный подход к нормативной модели конфискации выглядит удачным, и имеются основания обозначить следующие признаки конфискации: 1) безвозмездность, заключающаяся в непредоставлении осужденному какого-либо возмещения взамен изъятых имущества; 2) ограничение конституционного права собственности осужденного; 3) распространение конфискации на такой объект гражданско-правовых отношений, как имущество (исключая денежные средства осужденного). В отличие от казахстанского, российский законодатель допускает замену конфискации уплатой денежных сумм, что, несомненно, подрывает её «натуральный» характер; 4) допустимость частичной и полной конфискации имущества.

Весьма интересное «взаимопроникновение» юридической природы наказания и меры безопасности (иной меры уголовно-правового воздействия) позволяет отметить, что у казахстанских органов уголовного преследования нет бремени доказывания незаконного происхождения имущества (за исключением имущества, обладание которым стало возможным в результате совершения преступления). Смысл наказания как раз и состоит в том, чтобы ограничить законные права и интересы виновного (нельзя «урезать» в праве, которого нет). Что касается российских правоприменителей, то им в полной мере приходится доказывать незаконность имущества, доходов виновного, чтобы использовать институт конфискации, что существенно осложняет реальную возможность судебной практики в отношении конфискации имущества.

Таким образом, конфискация как дополнительное наказание применима за совершение корыстного преступления и в случаях, прямо предусмотренных санкцией статьи Особенной части УК РК, для усиления карательного эффекта основного наказания. Как иная мера уголовно-правового воздействия (мера безопасности), конфискация распространяется на имущество, незаконное обладание которым стало возможным вследствие коррупционного противоправного посягательства. Дуалистическая природа конфискации способствует её большей индивидуализации в системе средств уголовно-правового предупреждения преступности. В перспективе, по-видимому, было бы целесообразно предусмотреть конфискацию имущества в смешанном варианте, когда она могла бы применяться как основной вид наказания за совершение преступлений в сфере экономической деятельности (например, легализация преступных доходов, уклонение от уплаты налогов, незаконное предпринимательство и т.п.). Во всяком случае, подобная трансформация нормативной модели конфискации имущества позволила бы расширить состав альтернативных наказаний в Республике Казахстан.

Особого внимания в рассматриваемом контексте заслуживает институт условного осуждения (ст.63 УК РК), выступающий самостоятельным и наиболее распространённым альтернативным видом уголовно-правового воздействия как в Казахстане, так и в России. Так, в частности, удельный вес условного осуждения в Республике Казахстан в 2007 г. составил 38,6%, а в 2008 г. — 37% от общего количества мер уголовно-правового воздействия, в то время как общая численность всех наказаний, альтернативных лишению свободы, в 2008 г. имела показатель 7,9% от общего числа осужденных⁵. По существу, практика применения условного осуждения более чем в четыре раза превосходит по численности практику альтернативных непенитенциарных санкций.

Следует отметить, что ещё в 1899 г. на съезде Международного союза криминалистов условное осуждение оценивалось как «...институт справедливости, человечности и

⁵ Практика назначения уголовных наказаний в Республике Казахстан. // Ежегодник Центра исследований правовой политики. — Алматы, 2010. — С.182-184.

государственной пользы»⁶. Эта оценка не потеряла своего значения и в настоящее время, когда условное осуждение становится важнейшим уголовно-правовым институтом, находящимся в основе probationи.

В соответствии с ч.1 ст.63 УК РК, условное осуждение применимо, «...если, назначив наказание в виде исправительных работ, ограничения по воинской службе, лишения свободы, суд придёт к выводу о возможности исправления осужденного без отбывания наказания...». Иными словами, условное осуждение возможно в отношении трёх видов наказаний: лишения свободы, исправительных работ и ограничения по службе (аналога исправительных работ для военнослужащих). Представляется, что по отношению к исправительным работам это излишне, поскольку совершенно лишает смысла данное наказание, делая «условным» не только удержания из заработка, но и труд осужденного, а также воспитательное воздействие уголовно-исполнительной инспекции (службы probationи). Учитывая необходимость расширения реального спектра альтернативных мер, которые на сегодняшний день намного менее востребованы судебной практикой по сравнению с условным осуждением, а также потребность в дифференциации уголовно-правового воздействия, представляется целесообразным **оставить условное осуждение только в отношении наказания в виде лишения свободы**, что соответствует мировому опыту применения данной альтернативной уголовно-правовой меры.

Казахстанский законодатель сохранил две модели условного осуждения: «классическую» и «probационную». В первом варианте она заключается в отсутствии каких-либо обязанностей, возлагаемых на осужденного, который в течение испытательного срока «...должен своим поведением доказать своё исправление» (ч.3 ст.63 УК РК). По-видимому, такая модель условного осуждения оправдана применительно к лицам, не нуждающимся в особом контроле в силу возраста, состояния здоровья или сравнительно неопасного преступления. Что касается «probационной» модели, то она состоит в возможности суда установить для правонарушителя следующие виды обязанностей: 1) не менять постоянного места жительства, работы, учёбы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль; 2) не посещать определённые места; 3) пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании, венерического заболевания или ВИЧ/СПИД; 4) осуществлять материальную поддержку семьи. Помимо этого, согласно ч.5-1 ст. 63 УК РК, суд может возложить на осужденного условно и другие обязанности, способствующие его исправлению. Представляется, что они должны устанавливаться в рамках probationного надзора, по результатам социального исследования личности правонарушителя. На наш взгляд, возложение подобных обязанностей следует применять в отношении несовершеннолетних осужденных, лиц, совершивших тяжкие преступления, а также правонарушителей, которые по своим индивидуально-психологическим характеристикам нуждаются в интенсивном посткриминальном контроле.

Таким образом, режим испытания при условном осуждении проявляется в установлении специальных юридических обязанностей (правоограничений) и контроле службы probationи за их исполнением. Законодатель делает оговорку о том, что условное осуждение не подлежит применению при опасном и особо опасном рецидиве преступлений.

В ч.1 ст.64 УК РК предусматривается досрочная отмена условного осуждения со снятием судимости по отбытии не менее половины испытательного срока (его продолжительность не должна превышать трёх лет).

Наряду с условным осуждением, разновидностью режима испытания по уголовному законодательству Республики Казахстан является отсрочка отбывания наказания (ст.72 УК РК). В соответствии с данной правовой нормой, «...осужденным беременным женщинам суд может отсрочить отбывание наказания до одного года. Осужденным женщинам, имеющим малолетних детей, и мужчинам, в одиночку воспитывающим малолетних детей, суд может

⁶ Егоров С. Отец условного осуждения. // Законность.1998. №3. — С.56.

отсрочить исполнение наказания до достижения ребёнком четырнадцатилетнего возраста...». Таким образом, наказание назначается, но с предоставлением отсрочки, которая может быть назначена до начала фактического отбывания наказания и в период его отбывания. Следует отметить, что, как в России, казахстанский законодатель впервые распространил подобный режим отсрочки и на лиц мужского пола, которые одиноко воспитывают ребёнка (в российском варианте — являются его единственным родителем). Воспитание «в одиночку» ребёнка может быть связано со следующими ситуациями: 1) мужчина выступает единственным родителем ребёнка вследствие смерти его матери; 2) он является единственным воспитателем и кормильцем ребёнка, поскольку мать лишена родительских прав, а ребёнок, по решению суда, проживает совместно с отцом. Фактически, рассматриваемая отсрочка соединяет две модели режима испытания, первая из которых заключается в отсрочке наказания для беременных женщин продолжительностью в один год, а вторая рассчитана на срок до достижения ребёнком четырнадцатилетнего возраста и адресуется женщинам, имеющим малолетнего ребёнка, и лицам мужского пола, одиноко его воспитывающим.

С другой стороны, ограничение срока отсрочки отбывания наказания беременным женщинам до одного года неизбежно ставит вопрос о том, что будет дальше с этой осужденной. Ответ на него кроется в ч.3 ст.72 УК РК, согласно которой «...по истечении срока отсрочки... суд... может освободить от отбывания наказания или заменить назначенное наказание более мягким... или принять решение о направлении... в соответствующее учреждение для отбывания наказания». Исходя из этого, выходит, что у женщины, имеющей новорожденного ребёнка, продолжительность отсрочки может составить четырнадцать лет, а беременная женщина вскоре после рождения ребёнка должна будет вновь предстать перед судом, который вправе применить к ней назначенное до режима отсрочки наказание в виде лишения свободы. Но, по смыслу ч.1 ст.72 УК РК, она имеет право на отсрочку уже как мать малолетнего ребёнка. В этом случае годичный срок режима испытания для осужденных женщин, находящихся в состоянии беременности, утрачивает смысл. В то же время нельзя не учитывать, что максимально возможный четырнадцатилетний срок отсрочки при сохранении правоотношений судимости и посткриминального контроля в отношении осужденной (осужденного) будет многократно превышать размер наказания за преступление, в связи с которым была принята отсрочка.

Согласно ч.1 ст.72 УК РК, она не может быть назначена, если совершено тяжкое или особо тяжкое преступление против личности, предусматривающее наказание свыше пяти лет лишения свободы. Следовательно, режим отсрочки допускается: а) при совершении преступления небольшой и средней тяжести; б) при совершении тяжкого преступления, не направленного против личности или исключая личность в качестве дополнительного объекта посягательства. Учитывая, что, как правило, срок наказания за эти преступления не превышает пяти лет содержания в пенитенциарном учреждении, срок отсрочки продолжительностью в четырнадцать лет, совмещённый с психологическим состоянием ожидания нового наказания, неопределённостью ситуации по окончании отсрочки выглядит как чрезмерно суровая уголовная репрессия, нивелирующая социальную ценность рассматриваемой альтернативы лишению свободы.

Подобная психологическая «неопределённость» для беременной женщины, предполагающей для себя возможность последующего лишения свободы, может рассматриваться даже как жестокое обращение по отношению к ней. Каков же выход из данной ситуации? Представляется, что продолжительность отсрочки следует приравнять к основной продолжительности срока наказания в виде лишения свободы, допускающей режим отсрочки — **пять лет**. Данный срок был бы весьма близок к временным рамкам условного осуждения и соответствовал максимальной санкции за совершение умышленного преступления средней тяжести. В качестве альтернативного варианта целесообразно сохранить упоминание об отсрочке до достижения ребёнком четырнадцатилетнего возраста. При этом следует предусмотреть, что если не состоялось досрочной замены рассматриваемой меры уголовно-правового воздействия по отношению к отсрочке, суд

освобождает осужденную (осужденного) от наказания со снятием судимости. В целом, в результате предлагаемой нами корректировки, норма ст.72 УК РК могла бы выглядеть в следующем примерном варианте:

«Осужденным женщинам, находящимся в состоянии беременности или являющимся матерью малолетнего ребёнка, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, а равно лицам мужского пола, одиноко воспитывающим ребёнка, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, суд может отсрочить отбывание наказания в виде лишения свободы и установить испытательный срок продолжительностью до пяти лет или до достижения ребёнком четырнадцатилетнего возраста. Отсрочка отбывания наказания не предоставляется при совершении особо тяжкого преступления. Применение отсрочки за тяжкое преступление против личности или причиняющее вред личности и предусматривающее наказание свыше пяти лет лишения свободы допускается в исключительных случаях, если суд с учётом личности осужденной (осужденного), результатов социально-психологического исследования придёт к выводу о целесообразности отсрочки отбывания наказания.

Если в течение испытательного срока осужденной (осужденным) не было совершено нового преступления и не возникло оснований для замены отсрочки отбывания наказания его реальным отбыванием, по окончании испытательного срока суд освобождает осужденную (осужденного) от наказания с одновременным снятием судимости».

Предлагаемые изменения, как представляется, будут способствовать более эффективному применению режима отсрочки, справедливому и гуманному обращению с женщинами, находящимися в состоянии беременности, воспитывающими малолетних детей и оказавшимися в «орбите» уголовно-правовых отношений.

Ещё одной разновидностью освобождения от наказания является условно-досрочное освобождение (ст.70 УК РК). Эта классическая модель освобождения от наказания, широко известная мировой практике, имеет в Казахстане свои особенности. Так, в частности, условно-досрочное освобождение применяется при наказании в виде исправительных работ, ограничения свободы и лишения свободы. Кроме того, в ч.1 ст.70 УК РК названы содержательные основания для применения УДО. К ним относятся: 1) правопослушное поведение; 2) добросовестное отношение к труду (обучению); 3) активное участие в работе самодеятельных организаций и воспитательных мероприятий; 4) принятие мер по возмещению ущерба, причинённого преступлением. Помимо этого, закон упоминает о том, что лицо «не нуждается в дальнейшем отбывании наказания». И наконец, на освобожденных условно-досрочно в императивном порядке возлагаются обязанности, предусмотренные ст.178-2 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан.

Кроме того, в ч.3 ст. 70 УК РК предусмотрены формальные основания для применения условно-досрочного освобождения, находящиеся в зависимости от категории преступления, совершенного осужденным. За преступление небольшой и средней тяжести УДО применимо по отбытии не менее 1/3 срока наказания. В случае осуждения за тяжкие преступления УДО возможно по отбытии не менее половины срока наказания, а при совершении особо тяжкого преступления — не менее 2/3 от назначенного судом наказания. Законодатель допускает оговорку об обязательном отбытии осужденным к лишению свободы не менее шести месяцев из общего срока назначенного наказания.

Применение условно-досрочного освобождения к наказанию в виде лишения свободы выступает важным средством ресоциализации лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы и стимулом их позитивного посткриминального поведения. Что касается исправительных работ, то условно-досрочное освобождение вполне способно мотивировать осужденного к добросовестному труду и выступать поощрительной мерой за него. Однако на наш взгляд, не в полной мере оправдано УДО применительно к наказанию в виде ограничения свободы. Данное наказание само по себе является разновидностью режима

испытания осужденных, и «переводить» их с данного режима на другой, предусмотренный УДО, едва ли целесообразно. Нельзя не учитывать, что пробационный надзор, связанный с социальными функциями при ограничении свободы, будет заменяться полицейским надзором при УДО с явным преобладанием «профилактической» функции. Очевидно, что применение УДО к ограничению свободы не будет улучшением «юридической судьбы» осужденного, хотя по своему значению условно-досрочное освобождение подобное улучшение предполагает. Поэтому, на наш взгляд, к лицам, отбывающим ограничение свободы, наиболее приемлемым вариантом было бы досрочное освобождение от наказания со снятием судимости, поскольку УДО в рассматриваемом варианте не имеет смысла.

Обращаясь к фактическим основаниям УДО в ч.1 ст.70 УК РК, представляется целесообразным предложить некоторые уточнения. Так, в частности, вред осужденным может быть не только возмещён (выплата денежной компенсации и т.п.), но и иным образом заглажен (например, путём принесения извинения, примирения с потерпевшим, участия в переписке с ним, демонстрации потерпевшему раскаяния в содеянном).

Следовательно, в ч.1 ст. 70 УК РК оправданно внести формулировку «принятие мер по возмещению вреда и иному преодолению последствий преступления, по примирению с потерпевшим, а также участие осужденного в программах ресоциализации». Что касается формулировки об активном участии осужденных в работе самодеятельных организаций, то её сохранение, на наш взгляд, нежелательно, ибо такое участие в настоящее время является определённым инструментом власти администрации пенитенциарных учреждений и завуалированной формой зависимости от неё осужденных. Сомнительно, что подобное участие свидетельствует о подлинном исправлении осужденного, скорее, о том, что он более «удобен» для контроля.

В перспективе представляется важным, чтобы пробация хотя бы частично «охватывала» лиц, условно-досрочно освобождённых от наказания. В их отношении совершенно не лишним оказались бы социально-психологические исследования, позволяющие выявить потребности в социальной помощи и возможные пути ресоциализации осужденных. По-видимому, на законодательном уровне следовало бы обозначить, что контроль над лицами, условно-досрочно освобождёнными от наказания, осуществляют совместно органы внутренних дел и служба пробации.

Специфическим уголовно-правовым последствием преступного деяния, известным законодательству Казахстана, России и других государств СНГ, является освобождение от уголовной ответственности, предусмотренное ст.ст. 65-69, 76, 81 УК РК. Отличие освобождения от уголовной ответственности от освобождения от наказания состоит в фактическом прекращении уголовно-правовых отношений, в то время как при освобождении от наказания они трансформируются в отношения некарательного, «испытательного» характера. Социальный смысл освобождения от ответственности заключается в отсутствии необходимости достижения целей уголовно-правового воздействия (исправления лица, совершившего преступление; общей и частной превенции), поскольку обвиняемый в преступлении в таком воздействии не нуждается, о чём свидетельствует его социально-позитивное послепреступное поведение (действия по возмещению причинённым противоправным деянием вреда, оказание помощи следственным органам в форме деятельного раскаяния и т.п.). Исключением в этом аспекте является освобождение от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст.81 УК РК), поскольку оно предполагает замену уголовной ответственности иными мерами, находящимися в УК лишь по форме, а по содержанию имеющими генетическую природу социальных, психолого-педагогических, воспитательных средств.

Вполне логично, что любой вид освобождения от уголовной ответственности исключает возможность применения наказания, так как наказание выступает лишь одной из форм реализации уголовной ответственности и очевидно, что **«если нет ответственности, то нет и наказания»**. Применение конкретных видов освобождения от уголовной ответственности

находится в компетенции не только суда, но и органов, осуществляющих уголовное преследование.

Институт освобождения от ответственности в связи с примирением (ст. 67 УК РК) является наиболее популярным в юридической практике современного Казахстана альтернативным вариантом уголовной ответственности. В соответствии с ч.1 ст.67 УК РК, «лицо, совершившее преступление небольшой тяжести или **впервые** совершившее преступление средней тяжести, не связанное с причинением смерти или тяжкого вреда здоровью человека, подлежит освобождению от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причинённый вред...». Формулировка «подлежит» указывает на императивный порядок применения данного вида освобождения от уголовной ответственности при условии, что обвиняемый примирился с потерпевшим, возместив или иным образом заглотив причинённый преступлением вред. Следовательно, имеет место вид условного освобождения от ответственности.

В ч.3 ст.67 УК РК предусматривается возможность такого освобождения от ответственности в случае примирения с потерпевшим несовершеннолетнего, обвиняемого в тяжком преступлении, при условии, если отсутствуют опасные последствия преступного деяния в виде смерти или тяжкого вреда здоровью. Представляется, что данное положение закона весьма удачно сочетается с обязанностью применения к несовершеннолетнему воспитательного воздействия, установленного ч.3 ст.67 УК РК. Тем самым расширяется сфера реализации рассматриваемого уголовно-правового института, что весьма желательно, особенно с учётом того обстоятельства, что ряд преступлений, признаваемых законодателем тяжкими, вреда жизни и здоровью человека не влекут. Поэтому норма ч.3 ст.67 УК РК может успешно «конкурировать» с наказанием в виде лишения свободы, нередко применяемым за их совершение.

Обращают на себя внимание положения ч.4 ст.67 УК РК, фактически отражающие определённый синтез примирения и деятельного раскаяния. По существу, допускается освобождение от ответственности при причинении вреда публичным интересам и в ситуации, когда своего рода «потерпевшим» оказывается государство. Основанием для применения ч.4 ст.67 УК РК признаётся чистосердечное раскаяние и заглаживание причинённого преступлением вреда. По-видимому, это заглаживание должно проявляться как в действиях компенсационного характера, так и в оказании иной помощи государственным органам по предотвращению более тяжёлых последствий преступного деяния.

Следует отметить, что нормативная модель статьи 67 УК РК, позволяющая наглядно выразить частные начала и интересы в сфере уголовной юстиции, будет гораздо эффективней, если решить проблему осуществления примирительных процедур и контроля над их проведением. Её решению должен, в частности, способствовать Закон «О медиации», опубликованный в газете «Казахстанская правда» 5 февраля 2011 года. В соответствии со ст.1 Закона «О медиации», сфера её применения включает «споры, рассматриваемые в ходе уголовного судопроизводства по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, если иное не установлено законодательством Республики Казахстан». По-видимому, учитывая положения ст.67 УК РК о возможности примирения и при совершении тяжкого преступления, медиацию более чем логично распространить и на подобные ситуации, поскольку примирение по таким уголовным делам вне процедур медиации весьма затруднительно. Казахстанский законодатель рассматривает медиацию лишь в контексте уголовно-правового спора, при осуществлении уголовного судопроизводства. Однако мировой практике альтернатив наказанию известно её применение в режиме пробации⁷, в условиях тюремного заключения и даже в отношении

⁷ Куусе Р. Опыт развития службы пробации в Эстонии. // Материалы Международной научно-практ. конф. — Алматы, 2004. — С.72

виновных в весьма опасных преступлениях, таких, как убийство. Медиация в США, Новой Зеландии, Японии, Австралии, Нидерландах и в других современных государствах стала основой формирования новой, восстановительной модели реагирования на криминальные конфликты. Как замечает Х.Зер, объясняя истоки медиации как особого духовного, социокультурного и правового феномена: «...и жертва, и преступник нуждаются в исцелении; последнее возможно лишь через прощение, исповедь, раскаяние и примирение. Некоторые из этих актов осуществляются в отношениях между личностью и Богом, личностью и церковью, личностью и общиной. Но точно так же прощение, исповедь, раскаяние и примирение должны быть включены и в отношения, которых, возможно, и не было до преступления — между жертвой и преступником»⁸.

Достаточно интересен опыт медиационной практики в Японии, где, как отмечает Х.Зер, наиболее распространённым ответом на преступления является «...признание вины, выражение раскаяния, включая и прямые переговоры с пострадавшим о возмещении ущерба и прощении как условии для снисходительного режима, а также стремления избежать длительных сроков лишения свободы»⁹.

В Новой Зеландии медиация успешно имплементирована в сферу ювенальной юстиции. Аналогичные тенденции можно наблюдать и в других странах. В Киргизстане предпринимались попытки соединить технологии медиации с мерами уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних правонарушителей¹⁰. В России модель восстановительного правосудия продвигалась в рамках пилотных проектов в отдельных регионах, в основном в сфере уголовного правосудия по делам несовершеннолетних. Его феномен анализировался в работах Р.Максудова, Я.И.Гилинского, В.Н.Кудрявцева, Э.Б.Мельниковой, Л.Н.Карнозовой и других авторов. Принятый в Российской Федерации Федеральный закон об альтернативных процедурах (посредничестве) ограничивает медиацию только областью гражданского и арбитражного судопроизводства, что сужает её возможности применения для преодоления последствий преступлений. В технологическом аспекте «медиация представляет собой организацию «исцеляющего» (восстановительного) диалога между пострадавшим и правонарушителем. Этот диалог происходит при ключевой роли посредника (медиатора) — ведущего программы примирения... Наилучший вариант примиряющей встречи состоит в принятии правонарушителем обязательств совершить действия в интересах пострадавшего (попросить прощение, возместить причинённый ущерб, выразить осуждение своего асоциального поведения и т.п.)»¹¹.

Необходимо отметить, что в мировой практике медиация в уголовно-правовых отношениях существует в следующих институциональных моделях:

1. «Досудебная» медиация как альтернативный вариант ответственности за преступление, исключая назначение и исполнение наказания.
2. «Ювенальная» медиация, сочетающаяся с широким комплексом мер в отношении несовершеннолетних делинквентов.
3. «Пробационная» медиация, осуществляемая в деятельности службы пробации как важнейшая технология ресоциализации правонарушителей.
4. «Пенитенциарная» медиация, осуществляемая в целях примирения осужденных и жертв преступлений и подготовки заключённых к жизни на свободе.
5. Медиация, применяемая в отношении определённых видов преступлений (в сфере экономики, против собственности и личности).

⁸ Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. — М., 2004. — С.63.

⁹ Там же. — С.257.

¹⁰ Методическое пособие по работе с несовершеннолетними преступниками. — Бишкек, 2003. — С.45.

¹¹ Гета М.Р. Социально-отклоняющееся поведение личности и его предупреждение. — Новокузнецк, 2009. — С.75.

Иными словами, медиация используется и как альтернатива уголовному преследованию, и как альтернатива уголовной ответственности и наказанию. Данное обстоятельство, по-видимому, целесообразно учитывать при дальнейшей имплементации медиационной практики в Казахстане. В этой связи, возможно, следует дополнить статью 1 Закона РК «О медиации» формулировкой о том, что «применение медиации допускается в деятельности службы пробации по исполнению наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия, а равно в процессе воспитательного воздействия на осужденных к наказанию в виде лишения свободы и в отношении несовершеннолетних правонарушителей, независимо от тяжести совершённого ими преступления».

Полагаем, что добровольное согласие сторон конфликта должно быть лишь в процессе достижения соглашения о его разрешении. Далее следует принятие обязательств, которые должны быть исполнены. По смыслу же действующего законодательства, вся медиация (в том числе и на этапе исполнения) заключается в добровольном согласии сторон. Но это создаёт риск, когда одна из сторон сошлётся на то, что её согласия более нет, начнёт уклоняться от принятых на себя обязательств, что лишает медиацию желаемого результата. Представляется, что легальное определение медиации можно изложить в следующем варианте: «Медиация — система процедур урегулирования спора (конфликта) между сторонами при участии медиатора (независимого посредника), основывающаяся на добровольном согласии сторон относительно разрешения спора путём переговоров и примирения и обязательным исполнением сторонами соглашения (договора) о медиации».

Наряду с этим, в рассматриваемый нормативно-правовой акт следует включить уточнение, согласно которому «медиация при совершении преступлений представляет собой процедуры примирения между потерпевшим и обвиняемым в преступлении, а равно лицом, находящимся под надзором службы пробации, либо осужденным к наказанию в виде лишения свободы, условно-досрочно освобожденным от наказания, а также несовершеннолетним правонарушителем. Целью медиации является заглаживание вреда, причинённого преступлением, и преодоление иных последствий уголовно-правового конфликта. Медиация осуществляется при участии представителей общественности и под контролем медиатора».

Следует отметить, что социальный смысл медиации как примирения сторон криминального конфликта состоит и в возможности привлечения «общины» (местного сообщества) к его урегулированию. Закон этот фактор учитывает, предусматривая положение о проведении медиации членами местного сообщества (ст.15 Закона). В этой связи представляется излишним требование ст.21 рассматриваемого нормативно-правового акта об обязательности конфиденциальности проведения медиации. Во всяком случае, проведение процедур медиации применительно к обвиняемым в преступлении и потерпевшим с участием «третьих лиц» — представителей гражданского общества — исключает конфиденциальность медиации, что предпочтительно для достижения её результатов, ибо потерпевший будет получать помощь и сочувствие «общины», а обвиняемый — её поддержку в усилиях по примирению с жертвой преступления.

Кроме того, отметим, что п.4 ст.22 Закона, устанавливающий, что «...расходы, связанные с проведением медиации, уплачиваются сторонами совместно, в равных долях» вряд ли справедлив по отношению к потерпевшим. По-видимому, недопустимо, чтобы лицо, пострадавшее от преступления, само же оплачивало услуги медиатора. В Законе необходимо оговорить, что в случае проведения медиации на возмездной основе, все расходы по оплате её услуг несёт лицо, совершившее преступление, а также иные лица с их согласия (родственники виновного, благотворительные фонды и т.д.). При невозможности лица, совершившего преступление, возместить расходы по проведению процедур медиации, её услуги оплачивает государство (по аналогии с оплатой услуг защитника малоимущего обвиняемого в уголовном процессе).

Наряду с этим, важно учитывать, что процесс совершенствования существующих в Казахстане альтернатив лишению свободы может сочетаться с поиском новых правовых моделей. Так, в частности, целесообразно закрепить в УК РК институт условного освобождения от наказания в связи с примирением с потерпевшим, предусмотрев, что «суд может освободить от наказания, а равно от его дальнейшего отбывания лицо, раскаявшееся в совершённом преступлении и примирившееся с потерпевшим самостоятельно либо посредством медиации, при наличии оснований, свидетельствующих о том, что отсутствует угроза безопасности для потерпевшего и виновный загладил причинённый преступлением вред. Порядок организации и проведения медиации с участием данных лиц устанавливается специальным законом».

Помимо этого, требуют пристального внимания меры уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних правонарушителей. По-видимому, при наличии согласия потерпевшего для таких лиц следует признать обязательным проведение процедур медиации. Следует широко и с участием местного сообщества, используя культурно-исторические традиции казахского народа и других народов Казахстана, применять к несовершеннолетним программы их ресоциализации. В перечень мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних, содержащихся в УК РК, необходимо включить такую меру, как «стимулирование социально-полезного проведения досуга несовершеннолетних», которая бы содержала дозволения и иные стимулы правомерного поведения подростков-делинквентов.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что дальнейшую институционализацию альтернативных мер в Республике Казахстан оправданно сочетать с развитием пробации и активизацией диалога правоохранительной, судебной, уголовно-исполнительной системы и гражданского общества.

Ноябрь 2011 г.